

ОТЗЫВ

на диссертацию Кокшарова Сергея Федоровича
«Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.06 – археология

С появлением металла в Западной Сибири (энеолит и эпоха бронзы) связаны очень важные изменения в жизни населения как южных степных и лесостепных, так и таежных территорий, и изучение проблем становления и развития металлопроизводства у населения этих территорий остается актуальным и приоритетным направлением в урало-сибирской археологии. Начало новой эпохи, эпохи производящего хозяйства, с точки зрения формирования собственного металлопроизводства, технологии тонкостенного втульчатого литья и, в частности, объяснения сейминско-турбинского (СТ) феномена на рассматриваемой территории привлекает внимание многих исследователей, в том числе С.Ф. Кокшарова. Он обращается к вопросам развития производства металла в таежной части западно-сибирского региона и хроностратиграфического соотношения комплексов эпохи раннего металла (ЭРМ) (включая переходный период от неолита к эпохе бронзы), систематизируя материал, накопленный за 40-летний период исследований, а также к изучению этнокультурных процессов в среде таежных рыболовов и охотников, что и определяет актуальность рассматриваемой работы.

Материалы более чем 500 памятников – поселений и могильников бассейна р. Конды и Нижнего Приобья, изученные исследователями (в том числе автором диссертации) за последние десятилетия, значительные по объему, заставляют подвести итог накоплению и обобщению сведений об историко-культурном развитии населения севера Западной Сибири на протяжении 2,5 тыс. лет, охватывающих переходный период и эпоху бронзы. Это является главной целью работы С.Ф. Кокшарова. Исследование опирается как на археологические материалы, так и на новейшие данные радиоуглеродного датирования памятников в сочетании с данными стратиграфических наблюдений, остеологического, спектрального и атомно-эмиссионного анализов, т.е.

фактически и методически вполне обоснованно, о чем свидетельствуют и его результаты.

С.Ф. Кокшаров показывает, что в процессе изучения ЭРМ на севере Западной Сибири было разработано несколько подходов к понятию «энеолит» и периодизации эпохи бронзы, среди которых не утрачивает значения схема, предложенная в свое время М.Ф. Косаревым [1981, 1993]. Особый подход к древностям бассейна р. Конды и понятие «квазиэнеолит», сформулированное С.В. Кузьминых, не нашли поддержки у исследователей. Автор диссертации считает, и это, на наш взгляд, оправданно, что правильнее было бы ранние комплексы, следуя М.Ф. Косареву, относить не к «энеолиту», а к переходному времени от неолита к бронзе (с. 23), а эпоху бронзу разделить, по аналогии с периодизацией Е.Н. Черныха и С.П. Грушина для Урала, Поволжья и Сибири, на три этапа – досейминский, сейминский (классический) и постсейминский или самусьско-кижировский (СК) (с. 21).

В западно-сибирской археологии материалы памятников обычно рассматриваются одновременно с точки зрения принадлежности к эпохе, какой-либо археологической культуре и керамической орнаментальной традиции. Работа С.Ф. Кокшарова отличается направленностью в сторону изучения появления и развития металлопроизводства, в связи с чем автор использует такие понятия, как стадия, памятники атымьинского, волвончинского типов, керамика ушьинского, атымьинского типов, гребенчато-ямочная керамика и т.д. На наш взгляд, требуется более обстоятельное объяснение, что вкладывается в эти понятия, насколько они равнозначны культурам или комплексам сопредельных территорий, с которыми, по утверждению С.Ф. Кокшарова, входят в культурно-хронологические (пласты) горизонты (см., например, с. 110, 133, 142).

Переходное время от неолита к бронзе на территории Кондинской низменности С.Ф. Кокшаров рассматривает как период, разделенный «на четыре стадии, демонстрирующие эволюцию культуры местного населения». Автор считает понятие стадии оптимальным, когда речь идет о древностях, «среди которых отсутствуют явные следы металлопроизводства. Несмотря на последнее обстоятельство, – пишет он, – северные памятники синхронны другим металлоносным культурам Урала и Притоболья, входящим в одну культурно-

историческую область» (с. 20). Действительно, то, что население липчинской культуры Урала пользовалось металлом, можно считать фактом (см., например: [Чаиркина, 2005, с. 209]), однако вопрос о времени появления орудий из меди в Нижнем Притоболье остается нерешенным, поскольку нож из многослойного поселения Козлов Мыс 1, встреченный, по В.Т. Ковалевой, в слое с гребенчатым комплексом (шапкульским. – В. З.), на который указывает С.Ф. Кокшаров как на самый ранний (с. 24), по данным А.Д. Дегтяревой, содержит 1,0 % олова, что заставляет исключить его из числа раннеметаллических.

Несомненно, схема развития древностей бассейна р. Конды во многом синхронна разработанной для южно-таежных и лесостепных районов. Можно согласиться, что один хронологический горизонт составляют еныйские, шувакишские и шапкульские материалы, как, впрочем, и ушьинские, керамика которых орнаментирована в гребенчатой традиции. Однако неясна проблема происхождения и соотношения гребенчато-ямочных (ГЯ) и ямочно-гребенчатых (ЯГ), в данном случае атымьинских и волвончинских, комплексов. С.Ф. Кокшаров придерживается мнения, что высокопродуктивное присваивающее хозяйство (рыболовство и охота) предполагает оседлость населения и сохранение глубокой традиционности. «Стабильность существования обитателей тайги, – пишет он, – была обусловлена малочисленностью и дисперсностью отдельных общин, что исключало массовые миграции...». Определяющим было «автохтонное развитие культуры значительной части населения изучаемого региона. ...Выстраивание связей по принципу археологической непрерывности» (с. 24), появление ГЯ и ЯГ орнаментальных традиций в Кондинской низменности в результате миграции автор исключает.

В связи с этим возникает несколько вопросов, связанных как с происхождением и последующим развитием ранних комплексов ЭРМ, так и с их непрерывностью. Судя по неолитическим, а также ушьинским и еныйским керамическим комплексам, в переходный период от неолита к бронзе в бассейне Конды и Нижнем Приобье с атымьинского времени появляются новые орнаментальные традиции (ГЯ и ЯГ), причем первая сохраняется в рассматриваемом регионе на всем протяжении эпохи бронзы. Первоначальным ареалом ГЯ традиции, скорее всего, являются Бараба, Прииртышье и Приишимье, где она формируется еще в развитом неолите. Посуда с ЯГ узорами харак-

терна для андреевской культуры Притоболья и культур европейской части России. В Прионежье носители посуды с ГЯ орнаментами на ранних этапах сосуществуют с населением, изготавливавшим ЯГ керамику, а на поздних – с группами, оставившими ромбоямочную (РЯ) посуду. Бассейн р. Конды и Нижней Оби является территорией, промежуточной между лесостепными и южно-таежными районами Западной Сибири и европейским северо-востоком, что допускает возможность проникновения носителей ГЯ посуды на европейский северо-запад, а населения с ЯГ комплексами – в обратном направлении, и это, вероятно, подтверждается нахождением в двух крайних областях территории ГЯ общности наряду с глиняной посудой эмбрионовидных фигурок.

На наш взгляд, решение вопроса о местном развитии или проникновении на север Западной Сибири носителей посуды с ГЯ и ЯГ традициями важно и принципиально, поскольку способствовало бы уточнению периодизации комплексов бассейна р. Конды, и в частности, соотношения атымьинских и волвончинских материалов. Автор диссертации, «не отрицая полностью передвижений рыболовов и охотников» (с. 24), рассматривает сходство атымьинских и волвончинских комплексов как отображение своеобразия процесса эволюции гребенчато-ямочной керамики, которая протекала более плавно в бассейне Конды, чем в южно-таежной зоне (с. 161). В Нижнем же Притоболье, на наш взгляд, андреевские (ЯГ) комплексы, вероятно, сосуществуя с липчинскими, предшествуют байрыкским (ГЯ), на основе которых, скорее всего, в основном формируются ташковские комплексы.

К несомненным достоинствам диссертации С.Ф. Кокшарова следует отнести полные, обстоятельные характеристики материалов исследованных памятников (поселений и могильников) и каждого из выделенных типов памятников в Кондинском и Нижнеобском бассейнах. В них автор показал специфические черты того или иного комплекса с точки зрения ландшафтного расположения, строительства жилищ, керамики, каменного инвентаря и металлопроизводства. Это дает возможность проводить сравнительные исследования для оценки их динамики, соотношения друг с другом, выявления традиций и новаций. К сожалению, С.Ф. Кокшарову не удалось синхронизировать хронологически единые, переходного периода от неолита к бронзе по-

селенческие и погребальные материалы в рамках определенных типов памятников. Хотя погребальный обряд является неотъемлемой частью характеристики культуры, значимым источником во многих направлениях ее исследования и должен рассматриваться в совокупности с другими материалами.

Первое появление в бассейне р. Конды следов металлопроизводства (тигли, сопла, литейные формы, металлические предметы) связано с ранними полымьятскими комплексами, которые, по мнению автора диссертации, «укладываются в один горизонт с комплексами одиновско-крохалевского круга» (с. 312), относящегося к досинташтинскому времени. Поздние полымьятские синхронизируются с синташтинскими, петровскими, ташковскими и ранними (?) кротовскими материалами досейминского, а варпаульские – сейминского времени. Обилие поселенческих комплексов с разнообразной посудой и небольшое число могильников, содержащих минимальное количество керамики, затрудняют их культурно-хронологическую привязку. По мнению С.Ф. Кокшарова, «использование единой технологии в изготовлении посуды на значительной территории от Южного Урала и Северного Казахстана до Северо-Сосьвинской возвышенности, Сибирских Увалов и Васюганья еще одно эпохальное явление, сопоставимое по характеру с распространением в керамическом производстве технологии армирующего шнура накануне бронзового века или выбивки под текстиль в его начале» (с. 314). Однако технология шнура не является доминирующей только накануне эпохи бронзы, а применялась в раннем и позднем неолите (см., например: [Зах, 2009, с. 107, 197]), так же как текстиль, выбивка под текстиль (ложнотекстиль) известны еще в позднем неолите [Глушков, Глушкова, 1992, с. 109].

Все это показывает, насколько сложно в рамках непродолжительных периодов развития определенных комплексов, даже при наличии радиоуглеродных дат, решать вопросы об их последовательности и принадлежности к каким-либо хронологическим горизонтам. В этом плане проблематично, на наш взгляд, отнесение одиновских комплексов, по крайней мере материалов приишимских поселений, к досинташтинскому хронологическому горизонту, которые, как нам представляется, следуют за ташковскими. Несколько ташковских поселений, расположенных в лесной зоне, исследованы практически полностью, но из остатков металлопроизводства обнаружены лишь тигли,

небольшие пластинки и всплески бронзы. Напротив, в одинавском слое поселка Серебрянка 1 найдена глиняная створка для отливки наконечника стрелы пламевидной формы с нервюрой. С другой стороны, на основе ташковских при участии петровских групп в Притоболье сформировались коптяковские комплексы, в которых имеется СТ и СК металл.

На севере Западной Сибири в досейминское время, как считает С.Ф. Кокшаров (в чем он, вероятно, прав), складывается местный очаг металлообработки: «Материалы Конды свидетельствуют, что таежные литейщики освоили и применили не все технологические схемы, а лишь те, которые были востребованы. Таковыми оказались литье заготовок заданной конфигурации и параметров в открытые формы, столь популярные у мастеров ЦМП» (с. 311).

Заслуживает внимания и в какой-то степени вносит ясность в понимание проблемы появления СТ и СК комплексов в Северной Евразии, и в частности на территории Кондинского бассейна, позиция автора, отличающаяся от гипотезы Е.Н. Черныха о миграционном характере популяций носителей СТ металла. «Стабилизация, – по мнению С.Ф. Кокшарова, – привела к формированию двух крупных общностей позднего бронзового века: срубной и андроновской. Их носители обеспечили устойчивые связи и обменные процессы, нивелировавшие облик материальной культуры. В результате получили распространение сходные типы металлического, каменного и костяного инвентаря, а также технология их производства. Население южной тайги, проживавшее в бассейне Васюгана и Конды, приобщаясь к производящему хозяйству, воспринимало не только некоторые из ведущих типов металлических орудий СТ и СК облика и технологии их производства, но и содействовало распространению связанных с литейным делом предметов» (с. 343).

Постсейминское время на рассматриваемой территории связано с лозьвинскими и атлымскими комплексами, маркирующими финальный этап позднего бронзового века Западной Сибири, своеобразие которых выразилось в появлении посуды с прокатанными и фигурно-штаповыми узорами и укрепленных поселений. В отличие от автора диссертации, мы рассматрива-

ем миграции (не отрицая высокие «коммуникативные возможности и традиционные связи лесных сообществ Северной Евразии» (с. 373)) как одну из возможных реакций общества на климатические и ландшафтные изменения, о чем свидетельствуют комплексы, оставленные носителями посуды с крестовой и волнистой орнаментацией, проникшими практически до степных территорий, и что ранее отмечалось нами для ранних периодов ЭРМ.

Культурно-хронологическая модель динамики комплексов переходного периода от неолита к бронзе и эпохи бронзы севера Западной Сибири, построенная С.Ф. Кокшаровым, представляет собой систематизацию материалов в территориальном и временном планах, с учетом их связей с одновременными комплексами сопредельных южно-таежных и лесостепных территорий. Правда, в представленной им схеме волончинские материалы с украшенной ямочно-гребенчатым орнаментом посудой, которая во многом аналогична встречающейся в Притоболье на андреевских поселениях и, скорее всего, одновременной липчинским комплексам, следуют за атымьинскими и предшествуют полымьятским (с. 162). Это еще раз показывает, насколько неоднозначно интерпретируются археологические источники. Как долго периодизация С.Ф. Кокшарова будет сохранять свою актуальность, зависит от тех изменений, которые могут внести новые исследования и открытия. В настоящее время это самая полная, упорядоченная схема развития комплексов эпохи раннего металла в рассматриваемом регионе.

Все перечисленные замечания, которые имеют в основном дискуссионный характер, не снижают высокого качества исследования. Обращение автора к острым проблемам и стремление найти новые подходы к изучению материала делают рассматриваемую работу во многом новаторским исследованием. Оценивая диссертацию С.Ф. Кокшарова в целом, необходимо отметить соответствие ее содержания основной поставленной цели и задачам. Работа включает обширный список архивных данных и научной литературы, которая использовалась при ее написании (более 500 наименований). Диссертация снабжена приложением из таблиц с различной информацией по теме

исследования и альбомом рисунков, в том числе корреляционной схемой развития культур ЭРМ севера Западной Сибири. Основные результаты диссертации нашли отражение более чем в 125 научных публикациях: 1 авторской и 9 коллективных монографиях, серии статей, в том числе в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК. Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Работа С.Ф. Кокшарова «Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке» отвечает профилю диссертационного совета по специальности 07.00.06 – археология и требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а автор заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук.

Заведующий лабораторией археологии и естественнонаучных методов
Института проблем освоения Севера СО РАН
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86. viczakh@mail.ru
сот. т. 89044931854

д.и.н.

В.А. Зах

10 июля 2015 года

Подпись: *Зах В.А.* заверяю
Секретарь ОК